

СЕМИОТИКА ДЕТСТВА В «ВОЛШЕБНО-РЕАЛИСТИЧЕСКИХ» СКАЗКАХ А. П. ПЛАТОНОВА (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

И. Б. Городецкий

Научная библиотека Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 23 апреля 2015 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка построить семиотическую модель детства, которая вытекает из мировоззрения А. П. Платонова и текстов его «волшебно-реалистических» сказок. Исследование основано на извлечении базовых знаков из записных книжек автора (1928–1944) и текстов, имеющихся в Национальном корпусе русского языка. Материалом для анализа послужили контексты, содержащие лексемы «ребенок» и «дети» в разных грамматических формах.

Ключевые слова: детство, семиотическая модель, Национальный корпус русского языка, «волшебно-реалистические» сказки.

Abstract: in this article we propose a semiotic model of childhood based on A. P. Platonov's world-view and the texts of his «magic-realistic» tales. The study involves the analysis of the basic signs from the writer's notebooks (1928–1944) and Platonov's texts available in the Russian National Corpus. The contexts containing the lexemes «child» and «children» in different grammatical forms are used as the primary source of data.

Key words: childhood, semiotic model, Russian National Corpus, «magic-realistic» tales.

В рассказе «Вся жизнь» А. П. Платонов писал: «Как вечное время, неподвижно стоит детство в воспоминании человека. Более позднее время, время юности и зрелости, течет, проходит и тратится в забвении, но детство лежит, подобно озеру в безветренной стране нашей памяти, и образ его хранится внутри человека неизменным до самой кончины» [1, с. 63].

Писатель Андрей Платонович Платонов (1899–1951) является знаковой фигурой русской литературы XX в. Иосиф Бродский, анализируя творчество Платонова, назвал его язык «вершиной горы, пиком, с которого шагнуть некуда» [2, с. 72].

В 2011 г. было завершено издание восьмитомного собрания сочинений А. П. Платонова. В него включены все известные произведения писателя: романы, повести, рассказы, сказки, пьесы, критика и публицистика. Собрание сочинений появилось на свет благодаря усилиям дочери писателя Марии Андреевны Платоновой, его внука Антона Мартыненко, а также благодаря труду известных платоноведов во главе с профессором Н. В. Корниенко.

Концепция детства формировалась в творчестве А. П. Платонова под воздействием идейных споров послереволюционного времени о сущности детской литературы, традиционного христианского мировоззрения, доктрины русского философа-космиста Н. Федорова. Оппоненты называли философские мысли

А. П. Платонова «странными» и подвергли его жесточайшей критике. Это не удивительно, потому что Платонов создал свой уникальный мир и стиль. В анкете, обращенной к писателям I Всероссийского съезда Пролеткультов на вопрос «Каким литературным направлениям вы сочувствуете или принадлежите?», он ответил: «Никаким, имею свое» [3, с. 50].

Авторы вышедшего в Воронеже в 2014 г. сборника статей «Андрей Платонов. Философское дело» объясняют «философичность» Платонова не просто художественными задачами, а важнейшим принципом его миропонимания [4].

В работе исследуется концепция детства в «волшебно-реалистических» сказках и рассказах А. П. Платонова для младшего возраста. Эта тема была выбрана не случайно. В мировоззрении Платонова-художника, соединившего в своем творчестве черты утопии и антиутопии, в романах которого воплощены герои, «потерявшие в ситуации культурного вакуума все общечеловеческие ориентиры» [5, с. 95], философия детства в рассказах и сказках для детей являет собой светлую сторону бытия.

Отдельной монографии, посвященной детским рассказам Платонова, пока не существует, хотя в последнее время эта проблема стала привлекать внимание целого ряда исследователей [6–10].

Цель данной работы — осуществить семиотическое моделирование платоновской концепции детства.

С методологической точки зрения мы опираемся на работы [11–14].

Прежде всего было необходимо выявить систему соответствующих знаков. Эта система, по замыслу, должна объединять в первую очередь базовые знаки авторской концепции детства. Для этого необходимо было отобрать тексты А. П. Платонова; провести их корпусное исследование; проинтерпретировать его результаты; выявить и описать системы базовых знаков (ключевых понятий, сквозных мотивов) концепции детства; создать целостную семиотическую модель; проанализировать тексты нескольких рассказов А. П. Платонова для младшего возраста в терминах созданной нами семиотической модели.

Методика исследования и характеристика материала

Анализ базовых знаков концепции детства основывается на контекстах, извлеченных из произведений А. П. Платонова, представленных в Национальном корпусе русского языка [15]. Была поставлена задача посмотреть, в каких контекстах у А. П. Платонова употребляются слова «ребенок», «дети». Предпочтение отдается записным книжкам, где прямо формулируются отдельные мысли писателя о детстве.

Трагизм жизни, попытка разрешить глубинные вопросы человеческого существования лежат в основе мировоззрения А. П. Платонова и его героев, в том числе маленьких. Так, в записных книжках встречаем следующее замечание писателя:

«*Ребенок* в детской пьесе под конец стал маленьким стариком, когда воскрешает мать; а мать, оживши, опять возвращает ему детство» (А. П. Платонов. Записные книжки (1928–1944)).

Обратимся к одному из проанализированных рассказов — «*Вся жизнь*». Емкость этого четырнадцатистраничного произведения поражает. Основными его мотивами являются «встреча» поколений, одиночество стариков и жажда жизни и творчества у детей, а также необходимость памяти о прошлом. Рассказ, начатый как реалистическое повествование о жизни десятилетнего мальчика Акима, вскоре приобретает характер притчи. Платонов показывает связь между поколениями. Через 55 лет Аким возвращается на то место, где была его деревня, и встречает молодую воспитательницу Надю, которая гуляет с детьми. Вместо деревни уже город. Старик говорит Наде, что прежние люди забыты, они умерли, что он помнит их и чтобы она запомнила его, а ее запомнят те, «кто после ее народятся». Соотнесение этого и некоторых других рассказов из сборника «*Сухой хлеб*» [1] с замечанием в записной книжке приводит нас к формулировке следующего базового знака в выявляемой семиотической модели: «*дети и старики как род-*

ственные души, как начало и конец существования».

Мысли о детстве из записных книжек дополняются автобиографическими размышлениями писателя о его собственном детстве и детях:

...Я жил и томился, потому что жизнь сразу превратила меня из *ребенка* во взрослого человека, лишая юности (А. П. Платонов. Из писем (1922–1927)).

Утешение мое, что я живу и для *ребенка* и, кажется, способен пережить ради вас самую свирепую муку... (А. П. Платонов. Из писем (1922–1927)).

В подкорпус текстов произведений А. П. Платонова вошли следующие тексты: «Государственный житель» (1929), «Луговые мастера» (1928), «Епифанские шлюзы» (1927), «Из писем в дирекцию Центрального Детского театра о пьесе «Юный Пушкин» (1947–1949), «Башкирские народные сказки в пересказе Андрея Платонова» (1942–1947), «Записные книжки» (1928–1944), «Семен (Рассказ из старинного времени)» (1936), «Счастливая Москва» (1936), «Фро» (1936), «Джан» (1933–1935), «Ювенильное море» (Море юности) (1934), «Котлован (1930), «Усомнившийся Макар (1929), «Чевенгур», (1929), «Сокровенный человек» (1928), «Из писем» (1922–1927), «Московское Общество Потребителей Литературы (МОПЛ) (Отчет хроникера)» (1927), «Никита» (1920–1927), «Эфирный тракт» (1926–1927), «Город Градов» (1926), «Слышные шаги (революция и математика)» (1921), «Странники» (1920).

Интересующие нас слова были обнаружены в 16 из 24 текстов, всего 404 случая, из них 74 контекста из записных книжек. 74 контекста – это не очень много, но, как будет показано ниже, практически все из них несут важную смысловую нагрузку.

Базовые знаки семиотической модели детства А. П. Платонова

Методика последовательного сопоставления записных книжек и рассказов Платонова позволила выявить и представить в семиотической модели детства следующие подсистемы:

- ребенок у Платонова в историческом контексте;
- ребенок у Платонова в его отношении к природе: «среди растений и животных»;
- ребенок в семье;
- «сокровенное» в душе ребенка.

Ребенок А. П. Платонова в историческом контексте

Платонов писал свои рассказы после революции и гражданской войны, когда было много обездоленных и потерявших родителей детей. Во время своих поездок по России Платонов ведет дневниковые записи. Судьба таких детей волнует писателя.

Базовый знак «*одиночество ребенка, когда мать о нем не заботится*». Об том Платонов пишет в записных книжках во время своего пребывания в

Туркмении: «Тут же, на базаре, начинается и любовь. Здесь встречаются женщины из песков со своими женихами, здесь пируют друзья, здесь – «воскресенье». Базар и гость. Ребенок один с собою говорит, один живет. Его оставляют одного в комнате-сарая по вечерам...» [15].

Особенно трудно детям, да и взрослым тоже, жить в пустыне. Писатель отмечает терпеливость детей, живущих в пустыне, их брошенность: «Курносый, брошенный, замкнутый ребенок у Божинского... А в кибитке, в дикой пустыне – какие терпеливые дети» [15].

Временами в рассуждениях Платонова о детях проявляется классовый подход. Платонов осуждает буржуазность, но и противоречиво относится к пролетариату: «Христианство, вегетарианство и т.д. в детстве, в юношестве готовят стервецов в мужестве [Кузява – нрзб.]... [15]. «Горе человека вел[икого] вр[емени] в том, что пролетариат завоевал власть (частично, смешанно, но едко, отравленно) для оригинальной, удивит[ельной] формации буржуазно-аппаратной демократии. Он увидел в революции чистый свет мира, превращенный в бред. И человек — в бреду» [Там же].

В записных книжках Платонова появляются неожиданные мысли о детях-сиротах. Он утверждает, что «дети-сироты делают революции» и совершают подвиги: «“Народонаселение” начинается с того, что ребенок-сирота изгоняется, загрызается попреками в хлебе родственниками, у которых ребенок остался после смерти отца-матери... Только деклассированные, выродившиеся из своего класса, “ублюдки” истории и делали прежде революции (бурж[уазные] и феодал[ьные])!» [15].

Ребенок А. П. Платонова в его отношении к природе: «среди растений и животных»

Дети в рассказах Платонова живут главным образом в деревне. Их знакомство с окружающим миром начинается с самых близких им людей – отца и матери. Большую роль играет дом, потом двор (например, в рассказе «Никита»), затем дети обследуют окружающую местность: поле, овраг, лес (рассказы «Железная старуха», «Осьмушка», «Вся жизнь», «Избушка бабушки» и др.). Жизнь на природе удовлетворяет детское любопытство, формирует самосознание ребенка. В «волшебнореалистических» сказках Платонова дети разговаривают с жуками и бабочками, слушают шум ветра и листьев, делают маленькие открытия, учатся законам доброты и гармонии. И этот образ свободной жизни на природе они сохраняют в своей душе навсегда.

Платоновские дети любят животных, они воспринимают животных как существ, очень к себе близких. В рассказах Платонова появляются не только «типич-

ные» животные, которые играют важную роль в жизни человека, прежде всего крестьянина. У Платонова живой мир очень широк: здесь и бабочка (рассказ «Разноцветная бабочка»), и червячок (рассказ «Осьмушка», первоначальное название «Червь») и др.

Полное развитие тема детей и животных получает в рассказе «Корова». «Она [корова] всегда узнавала мальчика, он любил её. Ему нравилось в корове всё, что в ней было, добрые теплые глаза» [1, с. 37]. Герой рассказа Вася переживает смерть коровы и в своем школьном сочинении простодушно и искренне пишет: «Корова отдала нам все, то есть молоко, сына, мясо, кожу, внутренности и кости, она была доброй. Я помню нашу корову и не забуду».

Ребенок в семье

Базовый знак «*любовь ребенка к матери и матери к ребенку*».

Мать любит ребенка всей силой материнской любви. И важной особенностью изображения этого чувства в рассказах Платонова является любовное отношение к своему ребенку. Но и ребенок всегда ищет любви и защиты у матери, доверяясь ей всей чистотой своего маленького сердца. Например, в рассказе «Осьмушка» мы читаем о серых чистых глазах Мити, доверчиво глядящих на мать, «как никто на нее не глядел и глядеть не будет» [1, с. 136].

По Платонову, одна из главных функций матери по отношению к ребенку – забота о том, чтобы он был здоров и сыт. В рассказе «Осьмушка» мама у Мити уже сильно болеет, с трудом встает с постели, но она говорит сыну: «*Выпей иди молока, дай я тебе сама налью, и хлебца возьми помягче. Дай я тебе сама отрежу его, я вчера новину пекла из просеянной муки*» [1, с. 136].

Базовый знак «*роль отца в жизни ребенка*».

Отцовское начало в жизни человека и общества в целом играет важную роль. У Платонова отец так же нежен, как и мать. В рассказе «Осьмушка» отец утешает сына: «*[Отец] поднял сына и приютил его у себя на груди, чтобы он утешился и уснул*»; «*Отец погладил светлые волосы сына*» [1, с. 137].

В функции отца по отношению к ребенку входит «учить работать по хозяйству». В рассказе «Никита» вернувшийся с фронта отец «...*стругал доски в сарае... а Никите он тоже дал работу — выпрямлять молотком кривые гвоздики*». Он говорит Никите: «*Давай всё по хозяйству работать*» [1, с. 133]. В том же рассказе Платонов пишет об идее доброты, которую отец хотел бы привить сыну: «*Отец, вспоминая Никиту на войне, всегда называл его про себя «добрый Кит». Отец знал, что Никита родился у него добрым и останется добрым на весь свой долгий век*» [там же].

И ребенок любит отца и очень тоскует по его отсутствию, ведь в сюжетах рассказов Платонова часто оказывается, что отец или на фронте, или в тюрьме. Доказательства находим и в записных книжках писателя. *«Драма великой и простой жизни: в бедной квартире вокруг пустого деревянного стола ходит ребенок лет 2–3-х и плачет — он тоскует об отце, а отец его лежит в земле, на войне, в траншее под огнем, и слезы тоски стоят у него в глазах; он скребет землю ногтями от горя по сыну, который далеко от него, который плачет по нем в серый день, в 10 ч[асов] утра, босой, полуголодный, брошенный»* [15].

Базовый знак «без детей человеку плохо».

Этот базовый знак является сквозным мотивом в творчестве А. П. Платонова. Обратимся к записным книжкам: *«Череватов не помнил женщин, но воображал своих детей, и шел по пыли дороги, глядя, как чужие женщины утирают задницы неизвестным детям. Без родни, без людей время Череватова делалось бесконечным томлением в природе...»* [15].

Базовый знак «тяжелая судьба ребенка».

У самих детей тяжелые судьбы. Им, по мнению Платонова, в первую очередь надо «вынести» трудное детство: *«Мать рожала и кормила своих детей; трое из них умерли в малолетстве, от бедностей и болезней, а четверо вынесли свое детство и выжили»* [15].

Базовый знак «занятия детей».

В рассказах «Семен» и «Июльская гроза» Платонов пишет о том, как 7–9-летние дети уже помогают матери в уходе за младшими братьями и сестрами. Этот мотив является автобиографическим. В записных книжках и других произведениях мы находим подтверждение того, что с малолетства дети вовлечены в тяжелую работу: *«Спасская Полисть. Любино Поле. Дети в 5–10 лет плетут лапти из лыка»; «Дети усердно плетут лапти, потом тщательно делают уроки»* [15].

Базовый знак «сиротство — это большая беда».

«Мать похоронили под старым дубом на опушке леса, и Митя стал жить без матери... Днём отец редко бывал дома, он уезжал в лес на службу и приезжал к вечеру, а Митя жил один... Митя не знал, как ему жить без матери» [1, с. 137–138].

Базовый знак «блудный сын».

В рассказе-легенде «Разноцветная бабочка» его героиня старая Анисья всю жизнь ждет убежавшего еще в раннем детстве сына. Платонов пишет, что всю жизнь мать томилась по сыну и звала его, но и сердце сына *«томилось по матери»*. Сын стал стариком и однажды услышал и узнал голос матери. Старая Анисья обняла его и сказала: *«Родила я тебя, а ты ушёл. Не вырастила я тебя, не попитала и поласкать*

не успела... Умру я скоро и не полюбуюсь тобой...» Мать прижала его к своей груди; она хотела, чтобы всё дыхание ее жизни перешло к сыну и чтобы любовь ее стала его силой и жизнью... Жизнь ее с любовью перешла к сыну и он вновь стал ребенком. Старая мать вздохнула последним счастливым дыханием, оставила сына и умерла» [1, с. 151].

«Сокровенное» в душе ребенка

Базовый знак «развитие сознания в ребенке».

В записных книжках Платонов пишет: *«Наблюдать за развитием сознания в ребенке и за осведомленностью его в окружающей неизвестной действительности составляет для нас радость»*. И добавляет: *«Ребенок долго учится жить; он учится самоучкой, но ему помогают и старшие люди, которые уже приучились существовать»* [15].

Базовый знак «ребенок не знает и не боится смерти».

В рассказе «Осьмушка» эта тема четко обозначена в эпизоде, когда главный герой, мальчик, целый день до прихода отца с работы лежит рядом с умершей матерью, а также в эпизодах, связанных с частым посещением им могилы матери. Приведем еще несколько примеров из записных книжек: *«Дети (маленькие) одинаково «привычны» — жить и не жить; в этом и есть их главн[ая] прелесть: в беззащитности, в незаинтересованности»; «Описание такого душевного состояния и есть вся л[итерату]ра о детях»; «В нашей войне знаменательно то, что даже человек слабый или ничтожный, даже ребенок, еще не осмысливший мир, обречен на подвиг, на честь и величие»* [15].

Базовый знак «беззащитность ребенка».

К теме сбережения жизни ребенка, защиты его от врага и смерти Платонов обращается не один раз и в записных книжках, и в своих художественных произведениях: *«Рождается ребенок лишь однажды, но оберегать его от врага и от смерти нужно постоянно»* [15].

Базовый знак «детские страхи».

Ребенок боится, что пока его не будет дома, там случится какое-нибудь несчастье. Так, в рассказе «Осьмушка» *«Митя боялся, что вдруг мать умрёт или сгорит изба»* [1, с. 136]. И в этом же рассказе Платонов пишет о том, что Митин *«жалобный и внимательный взгляд означал его постоянный страх; он словно говорил: мама, живи всегда со мной, не умирай никогда. И мать понимала этот тайный разум сына, светящийся в его глазах»*.

Базовый знак «наблюдательность детей».

Дети наблюдательны. Вот, например, девочка Наташа из рассказа «Июльская гроза» разглядывает бабушкину светлую горницу: она видит фотографию дедушки, который в руках держит письмо, а к виску

подставил пистолет. «Что же это такое?» – думает Наташа. «Она ещё не знала такой жизни больших людей...» [1, с. 25]. Конечно, читателю понятно, что это шуточная фотография.

Таким образом, в ходе исследования концепции детства в рассказах А. П. Платонова для младшего возраста мы пришли к следующим выводам.

В понимании концепции детства у Платонова важнейшую роль играют его записные книжки. Они позволяют увидеть и почувствовать, как напряженно размышлял А. П. Платонов над сущностью детского мироощущения.

Целостная семиотическая модель концепции детства у А. П. Платонова построена на следующих базовых семантических полях:

- «мать, отец, родной дом являются непреходящими ценностями в формировании мира ребенка»;
- «сиротство – это большая беда»;
- «нельзя обижать ребенка: я недавно был ребенком и еще не перестал им быть»;
- «душа ребенка формируется не только в семье, но и мире всего живого: “среди растений и животных”»;
- «ребенок один с собою говорит, один живет»;
- «дети и старики как родственные души, как начало и конец существования»;
- «неразрывная связь рождения и смерти, которая проявляется в смене поколений, в обретении детьми чувства причастности к памяти стариков, и наоборот»;
- «В мире человеческих отношений господствует или должна господствовать доброта. Доброта перво-родный признак всякой жизни, единственная движущая и направляющая человека сила» (Павел Антокольский).

На примерах в статье показано, как выявленная семиотическая модель детства соотносится с содержанием отдельных «волшебно-реалистических» рассказов автора («Вся жизнь», «Осьмушка», «Июльская гроза», «Железная старуха»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов А. П. Сухой хлеб : рассказы, сказки / А. П. Платонов ; сост., подг. текста, коммент. Н. В. Корниенко. – М. : Время, 2011. – 416 с.

Научная библиотека Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Городецкий И. Б., библиотекарь
E-mail: i.gorodetskiy@mail.ru
Тел.: (495) 939-26-06

2. Бродский И. А. Послесловие к «Котловану» А. Платонова / И. А. Бродский // Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. – СПб., 2001. – Т. 7. – С. 72–74.

3. Матвеева И. И. Андрей Платонов и сатира 1920-х годов / И. И. Матвеева // Вестник Моск. город. пед. ун-та. Сер. : Филологическое образование. – 2010. – № 2 (5). – С. 47–55.

4. Андрей Платонов. Философское дело / под ред. В. В. Варавы, С. А. Никольского. – Воронеж, 2014.

5. Голубков М. М. Русская литература XX в. : После раскола : учеб. пособие для вузов / М. М. Голубков. – М., 2001.

6. Аюпова Е. И. Концепт «ребенок» в рассказах Андрея Платонова / Е. И. Аюпова // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2008. – № 30. – С. 17–22.

7. Грязнова А. Ю. Образ отца в повести А. Платонова «Джан» / А. Ю. Грязнова // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 5–6. – Т. 17. – С. 150–153.

8. Матвеева Н. В. Архетип матери и младенца в пьесе А. Платонова «14 красных избушек» / Н. В. Матвеева // Филологический класс (Екатеринбург). – 2007. – № 17.

9. Спиридонова И. А. Концепт детства в повести А. Платонова «Котлован» : проблема перевода на шведский язык / И. А. Спиридонова, В. В. Сакса // Ученые записки Петрозавод. гос. ун-та. Сер. : Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 7 (136). – Т. 2. – С. 61–65.

10. Червякова Л. В. Детство как темпоральная категория в рассказах А. Платонова второй половины 1930–1940-х гг. / Л. В. Червякова // «Страна философов» Андрея Платонова : проблемы творчества. – Вып. 5. – М., 2003. – С. 266–270.

11. Сидоров Е. В. Онтология дискурса / Е. В. Сидоров. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.

12. Рикёр П. Конфликт интерпретаций / П. Рикёр. – М., 1995.

13. Эко У. Отсутствующая структура : введение в семиологию / У. Эко. – СПб., 1998.

14. Шатин Ю. В. Русская литература в зеркале семиотики / Ю. В. Шатин. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 314 с.

15. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

Scientific Library of Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Gorodetsky I. B., Librarian
E-mail: i.gorodetskiy@mail.ru
Tel.: (495) 939-26-06